

КОРМЧИЙ

Нумеръ 29-й.

Адресъ редакціи:

Москва, Б. Ордынка, д. 27, кв. 10, свят. С. С. Липидевского.

Телеф. № 53-09.

ГОРОДСКАЯ ПОДПИСКА.

Кромѣ Редакціи принимается: 1) въ конторѣ Печковской, въ Петровскихъ линияхъ, 2) въ кн. скл. Отдѣла, Каретн. рядъ, Лиховъ пер. Иногородніе исключительно обращаются въ контору Редакціи.

13 іюля 1913 г.

Условія подписки

На годъ (съ перес.) . . . 4 р. — к.

» полгода 2 » 50 »

» мѣсяцъ — » 50 »

На годъ (безъ перес.) . . . 3 » 50 »

» полгода 2 » — »

Объявленія въ «Кормчій».

Приним. по 20 к. за стр. петита

въ 1/3 шир. стр. въ Ред. у Печковской (Петр. линія), въ Конторѣ Л. Метцль. При перем.

адреса прилаг. прежній печатн. адр. и 30 к. (почт. марк.).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ:
* НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ. *

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

О Пресвятая Госпоже Владычице, Богородице! со страхомъ, вѣрою и любовію припадающе предъ честною иконою Твоею, молимъ Тя: не отврати лица Твоего отъ приближающихъ къ Тебѣ. Умоли, милосердная Мати, Сына Твоего и Бога нашего, Господа Іисуса Христа, да сохранишь мирно страну нашу, да утвердишь державу благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего императора Николая Александровича, Церковь Свою святую да непозыблему соблюдетъ отъ невѣрія, ересей и раскола. Не имамы инья помощи, не имамы инья надеж-

Изображеніе чудотворной иконы Божіей Матери „КАЗАНСКІЯ“.

(Празднованіе 8 іюля и 22 октября).

Явилась въ 1579 году въ городъ Казани.

ды развѣ Тебе, Пречистая Дѣво: Ты еси всесильная христианъ Помощница и Заступница. Избави всѣхъ, съ вѣрою Тебѣ молящихся, отъ паденій грѣховныхъ, отъ навѣта злыхъ челоувѣкъ, отъ всякихъ искушеній, скорбей, бѣдъ и отъ напрасныя смерти. Даруй намъ духъ сокрушенія, смиреніе сердца, чистоту помысленій, исправленіе грѣховныя жизни и оставленіе прегрѣшеній, да вси, благодарнѣ воспѣвающе величія Твоя, сподобимся небеснаго царствія и тамо со всеми святыми прославимъ пречестное и великолѣбное имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Путеводные огоньки.

П о м ы с л ы.

Какъ нельзя не допустить вѣтра до открытой груди, такъ нельзя остановить и прилива помысловъ; потому что человѣческая душа по самой природѣ (вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей) открыта для дѣйствій зла.

Авва Памво въ отвѣтъ брату, жаловавшемуся на свою душевную брань съ помыслами, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „не удивляйся случившемуся съ тобою. Ты видишь меня, какъ я старъ; 70 лѣтъ живу въ келліи этой, въ попеченіяхъ о спасеніи моемъ. Въ такой старости по нынѣ претерпѣваю искушенія и напасти“ (отъ помысловъ).

„Осуждаемся мы не за то, что входятъ въ насъ помышленія грѣховныя, но за злоупотребленіе ими. Отъ помысловъ можно потерпѣть кораблекрушеніе, и отъ помысловъ же можно получить вѣнецъ“, (говорится въ Древн. Патер.). „Не то бѣда, если входятъ помыслы, но то, когда мы даемъ имъ худое направленіе“, (говоритъ Св. Варсаноф. Великій).

Всякій грѣховный помыслъ изгоняй изъ сердца какъ можно скорѣе, какъ сбрасываешь съ одежды и малѣйшую искру, попавшую въ нее.

Лукавыя помыслы исторгай иными помыслами (Св. Ниль Синайскій). Помыслъ тебѣ представляетъ сладость грѣховнаго дѣйствія, а ты помышляй о заповѣди Божіей, запрещающей это дѣйствіе, — о тѣхъ плачевныхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ приводитъ кратковременная сладость грѣха, и — помыслъ удалится отъ тебя.

Молись крѣпко и съ воздыханіемъ во время постигаго искушенія помыслами: „Господи, помилуй“, „Господи, не оставь меня“, *Боже всъ помощь мою возьми, Господи помощи ми потишися* (Пс. 69, 2) или иначе какъ, и — не будешь побѣжденъ помыслами.

„Не питай пространно плоть твою, и скверные помыслы оскудѣютъ въ тебѣ“, (совѣтуетъ Авва Евагрій). Какъ острия лѣкарства врачуютъ жестокія болѣзни, такъ молитва съ постомъ прогоняетъ злые помыслы (Мать Синклитикія).

Какъ воззрѣніе на мѣднаго змія, вознесеннаго Моисеемъ въ пустынѣ, имѣвшаго силу прообразованнаго имъ креста Христова, вскорѣ исцѣляло уязвленныхъ ядовитыми змѣями; такъ воззрѣніе покаянія, вѣры и молитвы на распятаго Иисуса вскорѣ исцѣляетъ душу, уязвленную ядовитыми впечатлѣніями похотнаго и грѣховнаго помысла (Филар. М. Москов.).

Какъ змѣй, извлеченный изъ темной норы на свѣтъ, старается убѣжать и скрыться; такъ и злые помыслы, будучи обнаружены откровеннымъ признаніемъ и исповѣдію, стараются бѣжать отъ человѣка (Авва Моисей).

ОТВѢТЫ НА НЕДОУМѢННЫЕ ВОПРОСЫ

О ПРЕДМЕТАХЪ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

ОТВѢТЪ № 199.

О вѣчной мукѣ.

Одинъ изъ подписчиковъ журнала „Кормчій“ (подп. № 11155) пишетъ въ редакцію: „Нѣкто — іерей крѣпчайше *убѣжденъ* и другихъ убѣждаетъ, что вѣчныхъ мученій за гробомъ не будетъ. Всѣ мѣста въ Св. Писаніи, говорящія за вѣчность мученій, для него неубѣдительны. Свои убѣжденія онъ обосновываетъ, во-первыхъ, на изреченіи въ Св. Писаніи, что весь Израиль спасется; во-вторыхъ, на собственныхъ своихъ сужденіяхъ и выводахъ, которые состоятъ въ слѣдующемъ. „Если, говорить, допустить вѣчность мученій, то Христосъ діавола не побѣдилъ. При вѣчности мученій нужно, говорить, предполагать бытіе другого бога — злого. Вѣчность мученій не согласуется съ понятіемъ о благости Божіей. Всѣ, безъ исключенія, грѣшники и даже діаволь, увидя въ моментъ второго пришествія свою неправоту, принесутъ покаяніе, которое будетъ принято Христомъ, и всѣ будутъ въ раю. Итакъ, „весь Израиль спасется“...“

Хотя вопросъ этотъ о *вѣчности мученій* въ будущей жизни далеко не новъ, и на страницахъ „Кормчаго“ уже давались на него отвѣты, но въ виду того, что ни ясное свидѣтельство слова Божія, ни христіанское разсужденіе объ этомъ предметѣ, большею частью, *не удовлетворяютъ* „убѣжденныхъ“ противниковъ „вѣчности адскихъ мукъ“, мы беремъ лишній разъ побесѣдовать съ читателями о томъ, какъ намъ нужно „принимать“ христіанскій догматъ о вѣчности мученій. Къ сему насъ побуждаетъ и то, что вопросъ этотъ касается *догматической* сущности христіанской религіи и коренныхъ основъ христіанской *нравственности*, каковыя въ наше время всячески оспариваются и распатываются людьми, „колеблющимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству чловѣковъ, по хитрому искусству обольщенія“ (Ефес. 4, 14). Если, — скажутъ, — что и ранѣе всегда было это „колебаніе“, то въ наше время оно замѣчается особенно... Въ самомъ дѣлѣ, въ наше время — „обуявшаго“ людей невѣрія, научнаго скептицизма и религіознаго безразличія — принято крайне *свободно*, легко и, если такъ можно сказать, „безцеремонно“ относиться къ вопросамъ вѣры и религіи. Нынѣ всюду масса „невѣрующихъ“ людей, которые берутъ на

себя смѣлость и дерзость во всеуслышаніе разсуждать о предметахъ *вѣры* христіанской по своему человѣческому *разуму*, совершенно отвергая свидѣтельство слова Божія. Ап. Павелъ говоритъ, что такіе люди не принимаютъ того, что отъ Духа Божія, потому что почитаютъ сіе безуміемъ и не могутъ разумѣть (1 Кор. 2, 14). Поэтому иные вообще не спрашиваютъ о Богѣ и стараются Его отвергнуть, или, какъ можно легче, отдѣлаться отъ Бога. Составляютъ собственныя и весьма поверхностныя понятія о религіи и нравственности, кои весьма удобны для нихъ и не требуютъ большихъ жертвъ и усилий. Говорятъ о добродѣтеляхъ, и нѣкоторые добродѣтели очень высоко цѣнятъ. Говорятъ также и о порокахъ и клеймятъ ихъ сильными и выразительными словами. Но вообще же предоставляютъ полную свободу міру и своимъ страстямъ, и тѣхъ, кто говоритъ о законѣ Божіемъ, считаютъ мечтателемъ или ханжей. Утѣшаютъ себя нѣсколькими удобными и ничтожными поговорками, которыя принимаютъ въ руководство вмѣсто закона Божія для своихъ словъ и дѣйствій, какъ напр.; „съ волками жить, по волчьи выть“; „противъ рожна прать трудно“; „самъ живи и другимъ давай жить“ и пр. Пользуясь „плодами“ современной безбожной матеріалистической науки, повторяютъ избитые ея афоризмы и любимыя фразы объ устарѣлости религіи, объ отсталости христіанства, о нелѣпости догматовъ, о свободѣ морали и религиозныхъ убѣжденій, отрицаютъ нравственную отвѣтственность человѣка за поступки, легко говорятъ о будущей вѣчной жизни и развѣ въ шутку только упоминаютъ объ „адѣ“ и „раѣ“, какъ о лубочныхъ картинахъ — для устрашенія дѣтей и простого народа... Такіе люди, конечно, не обращаютъ вниманія на тѣ слова, въ которыхъ Богъ выражаетъ свою строгость, святость и правосудіе. Не подумаютъ о томъ, что значатъ слова Господа, когда Онъ говоритъ: „Я Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, за вину отцовъ наказывающій дѣтей до третьего и четвертаго рода, ненавидящихъ Меня“ (Исх. 20, 5). Не понимаютъ, что значить: мы должны „служить благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ; потому что Богъ нашъ есть огонь пожигающій“ (Евр. 12, 28, 29), и что намъ должно отдать Богу отвѣтъ даже за каждое праздное слово. Наше время разучилось вѣрить въ величіе Святого Бога. Не хотятъ болѣе знать, что „со страхомъ и трепетомъ должно совершать свое спасеніе“ (Филип. 2, 12). И при строгости, съ которою угрожаетъ намъ слово Божіе: „не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. „Что посеетъ человекъ, то и пожнетъ“ (Гал. 6, 7); утѣшаются тою мыслью, что Богъ благу и проститъ всѣ грѣхи, что всѣ спасутся и будутъ въ раю... Но тогда къ кому же относятся слова Христовы: „идите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный!.. И идутъ сіи въ муку вѣчную (Мѣ. 25 гл.)!?!..

Свободомыслиціе и невѣрующіе люди часто позволяютъ себѣ говорить о своихъ религиозныхъ и нравственныхъ *убѣжденіяхъ*, которыя идутъ въ разрѣзъ съ христіанскимъ ученіемъ. Но, вѣдь, убѣжденія, вообще, вырабатываются на практикѣ жизни, путемъ житейскаго опыта и знанія. Религиозныя убѣжденія составляются на основаніи духовнаго опыта—вѣры и знанія слова Божія,—сердечнаго проникновенія въ Божественныя Писанія.

А какія религиозныя убѣжденія могутъ быть у людей, не вѣрующихъ въ Бога, не разумѣющихъ духовной жизни, не знающихъ слова Божія или отвергающихъ его! Какъ шатки подобныя религиозныя „убѣжденія“, — показываютъ многіе при мѣры изъ жизни. Несчастный французскій философъ Вольтеръ, хвалившійся, что онъ ни во что не вѣритъ, кромѣ своего разума, насмѣхавшійся надъ христіанскимъ ученіемъ, долженъ былъ испытать на смертномъ одрѣ весь страхъ и всю боязнь нечистой совѣсти. Въ эту минуту свойственныя ему клевета и насмѣшка замерли на его устахъ, и онъ въ отчаяніи умолялъ врача своего: „заклинаю васъ, помогите мнѣ; я отдамъ вамъ половину своего имуществва, если вы продлите мою жизнь хотя на 6 мѣсяцевъ; если же нѣтъ, то я пойду въ адъ, и вы послѣдуете за мною туда же“. Проповѣдники Евангелія и пастыри духовные часто встрѣчаютъ подобные случаи на смертномъ одрѣ невѣрующихъ.

Рассказываютъ объ одномъ невѣрующемъ ученомъ, который былъ явнымъ противникомъ Евангелія. Однажды онъ читалъ своему другу собственное сочиненіе, направленное противъ христіанскаго ученія о будущей жизни, какъ вдругъ его позвали къ одру его умирающей дочери. Его другъ сопровождалъ его. Отецъ подошелъ къ кровати своей дочери, воспитанной матерью въ св. Евангеліи, и съ глубокою горестью взялъ холодѣющую руку своей любимицы. Тогда дочь, приподнявшись на своемъ ложѣ, сказала: „Отецъ, я чувствую, что должна умереть. Теперь, скажи мнѣ, какъ я должна умереть, вѣруя въ то, чему училъ меня ты, или—чему учила меня покойная мать?“ Отецъ, подумавъ съ минуту, отвѣчалъ: „вѣрь въ то, чему твоя мать тебя научила!“..

Можно всю жизнь прожить безъ Христа и безъ христіанскаго ученія. Можно не вѣрить въ христіанское ученіе, и можно безъ Христа сдѣлать свою жизнь легкою и пріятною; но нельзя безъ Него пройти чрезъ мрачную долину смерти и еще менѣе — чрезъ страшный судъ. Невѣріе старается скрыть это и отъ себя и отъ другихъ, выставляя свои, яко бы, „убѣжденія“, что „тамъ“, на „томъ свѣтѣ“ не можетъ быть ничего „страшнаго“, въ родѣ „ада“ и „вѣчнаго мученія“... Но если можно скрыть отъ людей свой страхъ и свое опасеніе предъ вратами смерти и будущей жизни, то это еще не значить ихъ уничтожить, а тѣмъ болѣе доказать, что ни ада, ни вѣчныхъ мученій не существуетъ. У болѣе откровенныхъ и честныхъ изъ невѣрующихъ бывають такіе часы и минуты, когда они свободно раскрываютъ предъ людьми борьбу и скорбь своего сердца...

Въ большомъ городѣ, по оживленной гавани прохаживались однажды два пріятели, занятые весьма живымъ разговоромъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный въ городѣ богачъ, намѣренъ былъ сѣсть на пароходъ, отправлявшійся въ далекое плаваніе. Онъ обладалъ блестящимъ образованіемъ и недюжиннымъ умомъ, но все свое образованіе и глубокомысліе онъ отдавалъ на служеніе невѣрію противъ религіи. Онъ былъ человекъ, какъ говорятъ, *убѣжденно* невѣрующій; онъ письменно и устно защищалъ невѣріе и всячески вооружался противъ религіи христіанской... И все это онъ продѣлывалъ съ увлеченіемъ и удовольствіемъ. Жизнь его, по-

видимому, была счастлива и спокойна. Но предъ отъѣздомъ, однако, чело его было мрачно и обыкновенно краснорѣчивыя уста молчаливы... Казалось, онъ боролся съ одной мыслью, которой не могъ преодолѣть, и которой не рѣшался высказать. Наконецъ, взявъ друга подъ руку, произнесъ съ мягкостью и съ полугоречью: „жизнь моя кажется счастливой, но одно только бросаетъ на нее мрачную тѣнь“. „Что же это такое могло бы быть?“ — сказалъ удивленный другъ его. — „А что, отвѣчалъ медленно и серьезно богачъ, если то правда, что говоритъ Евангеліе о будущей жизни и вѣчныхъ мученіяхъ?.. Да, если бы я навѣрно зналъ, что послѣ смерти все, все кончено, тогда я могъ бы быть счастливымъ и спокойнымъ. Но вотъ именно жало, которое меня преслѣдуетъ и не даетъ мнѣ покоя. Вотъ мечъ, пронзающій насквозь мою душу. Если Евангеліе говоритъ истину, то я навѣки погибъ“... Черезъ нѣсколько недѣль было получено извѣстіе, что пароходъ, на которомъ отправился говорившій эти слова, пошелъ ко дну; спаслись только немногіе, и невѣрующій богачъ нашелъ себѣ смерть въ глубинѣ моря. Конечно, мы не знаемъ ни кончины его, ни затаенныхъ мыслей его. Но мы знаемъ, что восклицаніе: „а что, если то правда, что говоритъ Евангеліе!“ — не только у него одного вырвалось, но вырывается изъ сердца и совѣсти многихъ тысячъ его единомышленниковъ. И это боязливое восклицаніе мы слышимъ въ ихъ шумномъ весельѣ, и въ ихъ насмѣшкахъ и глумленіяхъ надъ религіей и въ ихъ убѣжденныхъ рѣчахъ невѣрія“ (Изъ соч. Вите, „Истина и величіе Христовы“). На все это можно сказать только одно: да, Евангеліе говоритъ *правду*, въ немъ заключается Божественная истина, о которой говоритъ Христосъ: „Мое ученіе не Мое, но пославшаго Меня. Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно“ (Ин. 7, 16—17).

Н. Богословскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Утѣшеніе въ вѣрѣ.

„Служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ“ (1 Петр. 4, 10).

современное невѣріе и отрицаніе христіанства смущаетъ умы нетвердыхъ въ вѣрѣ христіанъ, которые, подобно „младенцамъ“, колеблются и увлекаются „всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству челоуѣковъ, по хитрому искусству оболъщенія“ (Еф. 4, 14). Это „лукавство“ и „оболъщаніе“ направленное противъ вѣры и религіи христіанской, устрашаетъ сердца и приводитъ въ уныніе даже вѣрующихъ христіанъ. Но—кто вѣруеть, тотъ не долженъ страшиться. Мы не должны давать невѣрующимъ себя запугивать. Намъ не должны ни ослѣплять, ни пугать ихъ любимыя утвержденія невѣрія, ихъ рѣчи о просвѣщеніи, наукѣ, прогрессѣ, свободѣ, ихъ разсужденія объ отсталости христіанства, о непригодности къ жизни Евангелія, о ненужности церкви и пр...

Мы имѣемъ на своей сторонѣ благороднѣйшихъ

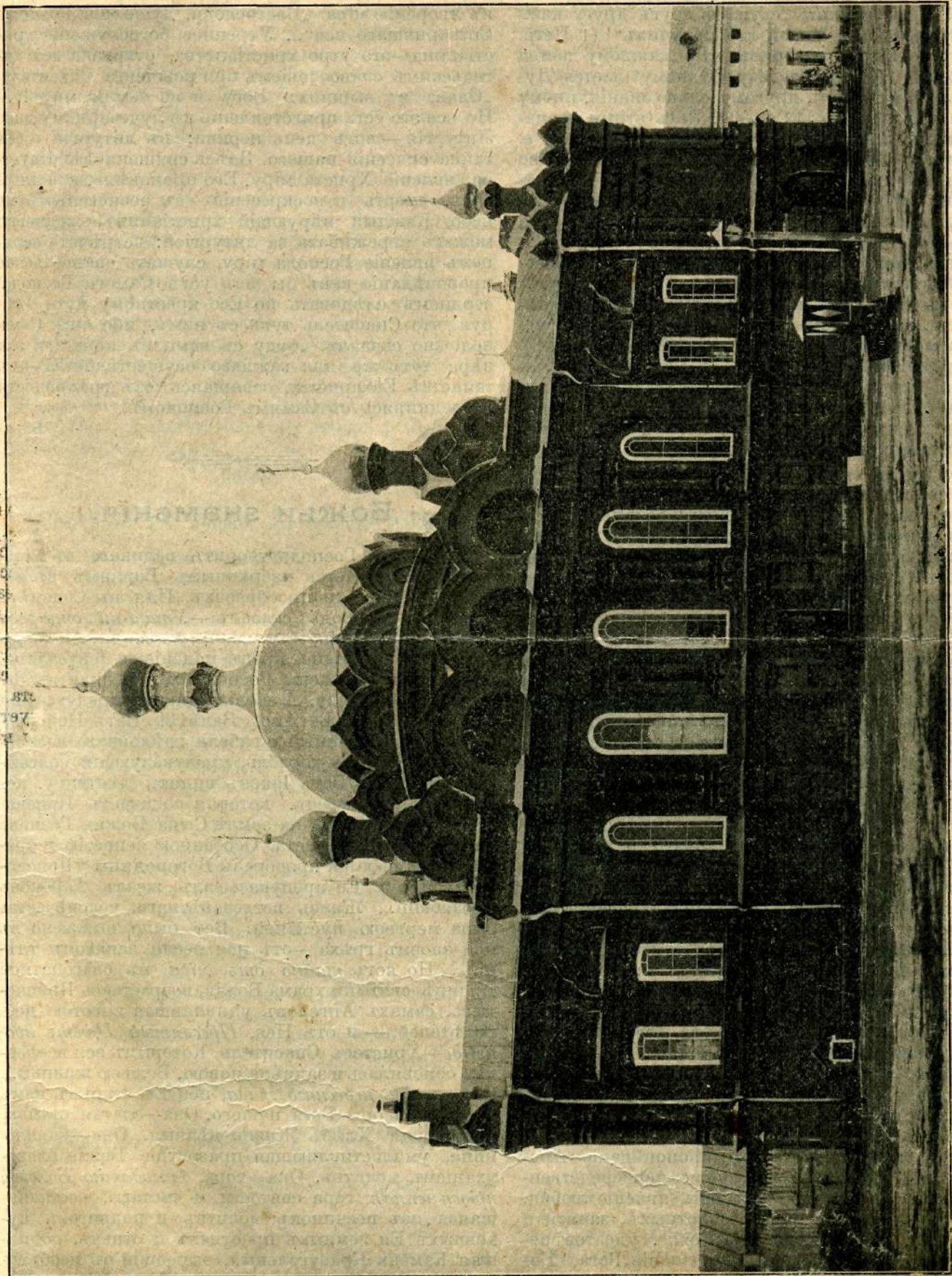
и образованныхъ личностей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Апостолы и великія свѣтила церкви: Аѳанасій, Василій Вел., Григорій Богосл., Иоаннъ Злат. и др. Гдѣ стоятъ и вѣрують они, тамъ можемъ спокойно стоять и вѣровать и мы. Гдѣ стоятъ Коперникъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Кантъ и др., тамъ спокойно можемъ стоять и мы. Гдѣ стоятъ такіе просвѣщенные мужи, тамъ противники христіанства не дерзнутъ возвысить голоса, какъ будто бы они одни завладѣли и всѣмъ умомъ и всѣмъ знаніемъ (Вите „Истина и величіе христіанства“).

Но не въ этомъ наше утѣшеніе. Кто вѣруеть, тотъ не боится. Гдѣ стоитъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ, тамъ спокойно можемъ стоять и мы. Самъ Богъ далъ Ему обѣщаніе „положить всѣхъ враговъ къ подножію ногъ Его“ (Мѡ. 22, 44; Евр. 1, 13). И наше утѣшеніе заключается въ обѣщаніи Того, въ чьихъ устахъ никогда не могъ родиться обманъ. „Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“. „Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ“ (Мѡ. 28, 20; 24, 35). Это обѣщаніе есть какъ бы солнце, которое проникаетъ сквозь глубину ночи и тьмы, насъ окружающей, и проливаетъ животворный и радостный свѣтъ въ наше сердце. Мы должны стоять въ этой вѣрѣ, и не оставаться въ бездѣятельности. Мы должны взаимно укрѣплять себя въ вѣрѣ, — „служить другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ“ (1 Петр. 4, 10). Мы должны сжалиться надъ тѣми несчастными братьями, которые не знаютъ пути ко спасенію, и которые живутъ въ мірѣ безъ Бога и безъ душевнаго мира, которые не знаютъ утѣшенія въ вѣрѣ. *Поистинѣ, это несчастные люди!*

Для утѣшенія въ вѣрѣ будемъ чаще прибѣгать къ слову Божию, къ Библии, Евангелію, къ писаніямъ Апостольскимъ. Вѣра отверзаетъ уста и движетъ языкомъ. Ап. Павелъ свидѣтельствуетъ: „имѣя тотъ же духъ вѣры, какъ написано: я ровахъ и потому говорилъ“ (Псал. 115, 1); и мы вѣруемъ, потому и говоримъ“ (2 Кор. 4, 13). Вотъ источникъ разговоровъ, всегда новыхъ въ семь старѣющемся вѣкѣ, собесѣдованій утѣшительныхъ и спасительныхъ, питающихъ и укрѣпляющихъ душу, ищущую Бога и къ Нему влекущуюся. Какъ изъ сильнаго родника струится свѣжая вода, такъ изъ сердца вѣрующаго „льется слово благое“ (Псал. 44, 2). Св. Василій Великій говоритъ: если въ сердцѣ не запасено добра, то какъ изнесетъ устами сокровище необладающій имъ втайнѣ? Если имѣющій доброе въ сердцѣ не возвѣщаетъ о немъ словомъ, то ему будетъ сказано: „сокрытая премудрость и потаенное сокровище—что пользы въ нихъ“ (Сир. 20, 30)? Посему для пользы другихъ „уста мои да возглаголютъ премудрость“, а для собственнаго преспѣванія моего „сердце мое да поучается разуму“ (Вес. на 48 псал.). Не будемъ заниматься „баснями и родословіями безконечными, которыя производятъ больше споры, нежели назиданіе Божіе въ вѣрѣ. Цѣль же увѣщанія есть любовь отъ чистаго сердца и доброй совѣсти и нелицемѣрной вѣры; отъ чего отступивъ, нѣкоторые уклонились въ пустословіе“ (1 Тим. 1, 4—5).

Какое множество людей проводятъ время въ пустословіи, въ праздныхъ разговорахъ, въ чтеніи пустыхъ, соблазнительныхъ и развращающихъ

книгъ, не зная истиннаго назиданія и утѣшенія въ вѣрѣ, въ словѣ Божіемъ, въ чтеніи религиозно-этомъ только съ отрицаніемъ или въ насмѣшливомъ тонѣ; христіанство называютъ наружною на-

Внѣшній видъ храма Преподобнаго Серафима въ Саровской пустыни.

(Къ статьѣ „Воспоминаніе о паломничествѣ“).

правственныхъ сочиненій. Въ обществѣ не принято говорить о вѣрѣ и религіи; говорятъ объ божности и ханжествомъ. Въ лучшемъ случаѣ предоставляютъ вѣрить каждому по своему и спа-

саться по своему разумѣнію. Между тѣмъ, по Апостолу, если мы вѣруемъ, то и должны говорить о вѣрѣ (2 Кор. 4, 13). Отъ избытка сердца уста говорятъ! И мы должны „служить другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ“ (1 Петр. 4, 10). Ап. Павелъ говоритъ, что „каждому дается проявленіе Духа на пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, иному вѣра и т. д. (1 Кор. 12, 7—8). Вотъ этими то дарами мы и должны служить другъ другу, т. е. назидать, наставлять и поучать въ вѣрѣ. Слово вѣрующаго христіанина всегда должно быть направлено къ назиданію и утѣшенію въ вѣрѣ. Почитайте „Дѣянія Апостоловъ“, посланія ап. Павла и др.—всѣ они проникнуты этимъ духомъ вѣры. Первые христіане находили единственное утѣшеніе въ вѣрѣ. А нынѣ гдѣ можно найти это утѣшеніе въ вѣрѣ? Въ христіанскомъ обществѣ вѣрующихъ, именуемомъ Церковью, въ Богослуженіи, въ молитвѣ... За этимъ утѣшеніемъ въ вѣрѣ тысячи людей стремятся къ св. мѣстамъ, въ монастыри, чтобы услышать слово назиданія при мощахъ св. угодниковъ, наставленіе отъ умудренныхъ духовнымъ опытомъ иноковъ, подвижниковъ, отшельниковъ...

Это утѣшеніе въ вѣрѣ можно найти въ чтеніи житій святыхъ, писаній отеческихъ, духовныхъ книгъ и религиозно-нравственныхъ сочиненій... Съ какимъ живымъ и радостнымъ чувствомъ читають эти книги вѣрующіе христіане. Истинно вѣрующей и благочестиво настроенной человѣкъ, какъ драгоценную жемчужину, находитъ и принимаетъ то или другое изреченіе св. отца, тотъ или другой совѣтъ и не знаетъ мѣры радости объ этой находкѣ, весь торжествуетъ и отъ глубины души благодаритъ Бога. Какъ иной любитъ смотрѣть на собранныя имъ сокровища, такъ благочестивый христіанинъ любитъ читать и перечитывать тѣ или другія изреченія св. отцевъ. Онѣ, подлинно, „возделеннѣе золота и множества дорогихъ камней и слаще меда, текущаго изъ сота“ (Псал. 118, 11). Во свѣтѣ ихъ созерцать свѣтъ слова Божія,—какъ радостно! Ихъ свѣтомъ освѣщать стези жизни нашей,—какое великое благо и утѣшеніе!

Какое утѣшеніе въ вѣрѣ доставляетъ молитва! Молитва, говоритъ св. Исаакъ Сир., есть приближеніе ищущимъ помощи, источникъ спасенія, сокровище упованія, пристань, спасающая—отъ тревоженія, свѣтъ находящимся во тьмѣ, опора немощныхъ, помощь въ тяжкой болѣзни... Всѣ великія блага происходятъ отъ молитвы. Молитва есть радость возсылающая благодареніе. Молитва, говоритъ св. Феодоръ Едес., есть бесѣда съ Богомъ, вещей невидимыхъ созерцаніе, желаемыхъ исполненіе, ангельское наслажденіе, привлеченіе благъ, вещей уповаемыхъ осуществленіе. Потщись всѣми силами приобрести эту царицу добродѣтелей. Молись днемъ и ночью, въ часы унынія и благодушія“... „Молитва есть проповѣданіе Апостоловъ, дѣйствіе вѣры, или лучше, непосредственная вѣра, осуществленіе надежды, явленіе любви, ангельское движеніе, сила безплотныхъ, занятіе и веселіе ихъ, благовѣствованіе Божіе, удостовѣреніе сердца, надежда спасенія, познаніе Бога, Божія благодать, Божія премудрость, свидѣтельство ангельской жизни. И нужно ли говорить болѣе? Молитва есть Богъ, производящій все во всѣхъ“.

Наконецъ, какое утѣшеніе въ вѣрѣ доставляетъ богослуженіе церковное. Съ вечера церковь начинаетъ свой день и ея вѣра прежде всего зрѣть къ творенію міра: „Благослови, душе моя, Господа, Сотворившаго вся“... Утреннее богослуженіе христіанина—это утро христіанства, открывшееся ангельскимъ славословіемъ при рожденіи Спасителя: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!“... Но все это есть приготовленіе къ лучезарному дню. Литургія—вотъ день церкви; въ литургіи—вся тайна спасенія нашего. Здѣсь священнодѣйствуется: явленіе Христа міру, Его проповѣдь, крестный путь, смерть и воскресеніе—съ вознесеніемъ на небо. Каждый вѣрующій христіанинъ ежедневно можетъ переживать за литургіей: встрѣчать сердцемъ явленіе Господа міру, слушать евангельское проповѣданіе какъ бы изъ устъ Самого Господа; сердцемъ слѣдовать по Его крестному пути, вѣруя, что Спаситель тутъ съ нимъ, ибо Онъ Самъ неложно сказалъ: „буду съ вами въ вѣкъ“, и эта вѣра тутъ же для cadaго осуществляется—въ таинствѣ Евхаристіи, освящаясь отъ грѣховности и соединяясь съ Самимъ Господомъ.

Б.

Божьи знаменія.

Все, что Господь творитъ великаго въ мірѣ, открывается избраннымъ Божиимъ въ видѣ дѣяній и прообразахъ. Идя въ Содомъ и Гоммору, Господь сказалъ:—*Утаю-ли отъ раба Моего Авраама что имѣю дѣлать?*—Св. Апостолы и первые христіане, предъ паденіемъ Иерусалима, были предупреждены Господомъ и бѣжали въ Заіорданскую Пеллу. А сколько такихъ предуказаній мы видимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ! Вотъ Ной праведный, извѣщенный о гибели грѣховнаго человѣчества,—строить корабль, предуказующій спасающую Церковь. Вотъ Іаковъ видитъ лѣствицу,ходящую до небесъ, которая означаетъ Приснодѣву и воплощеніе на землѣ Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа. Особенною ясностію и красотой отличаются прообразы Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Ее предуказывалъ жезлъ Аароновъ прозябшій... Жизнь ветхозавѣтнаго человѣчества была мертвою пустыней. Все было выжжено въ ней зноемъ грѣха,—отъ нея несло запахомъ тлѣнія... Но вотъ *тайно отъ міра* въ благодатной тишинѣ святыни храма Божія, возрастаетъ Приснодѣва, самихъ Ангеловъ удивлявшая высотой добродѣтелей,—и отъ Нея, *Пресвятый Цвѣтъ произыде*—Христось Спаситель, Которымъ вся вселенная обновилась и зацвѣла новою, Божьею жизнью... Она—дверь небеснаго града, ибо Ею открытъ намъ входъ во дворы Бога нашего. Она—златая стамна, хранившая Хлѣбъ Жизни вѣчныя. Она—кадильница, умилостивляющая правосудіе Божіе благоуханіемъ молитвъ. Она—гора, *благодатію Божіею пріосънненна*, гора святости и чистоты, составившаяся изъ песчинокъ молитвъ и подвиговъ духовныхъ Ея земныхъ праотцевъ и отцевъ, родившая Камень Краеугольный, выросшій въ необъятную гору, которая покрыла собою всю землю. Она—духовный облакъ, покрывающій шествующихъ въ царство небесное земныхъ страдальцевъ...

Она—столпъ огненный, *просвѣщающій сущія во тьмѣ*. Она—Неопалимая Купина, знаменующая возрожденіе падшей природы человѣческой огнемъ благодати, впервые *достойно* воспріявшая огонь Божества. Она—древо благосѣннолиственное при исходницахъ водъ, *имже покрываются мнози*. Она—руно орошенное росой Духа Божія для прохладенія мукъ грѣшниковъ, *звѣзда, свѣтящая во тьмѣ грѣховъ блудящимъ народамъ земли, скрижали закона, Богомъ писанныя, имже просвѣщаются мнози*...

Въ видѣніяхъ пророчественныхъ Она, величавая Жена, *облеченная въ солнце, сіяющая благодатию и славою всей вселенной*—встаетъ передъ духовными очами, какъ Божія заря, какъ утро небесное, *грозная, какъ полки со знаменами*, но и благостная, какъ вѣяніе предъутренней прохлады...

Къ ней приходятъ нынѣ *богатіи людстии* и приносятъ благоговѣнно дары любви и молитвеннаго восторга... *Ее нынѣ ублажаютъ всѣ роды, какъ Матерь Бога нашего, Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ*...

Будемъ же *славить непрестанно* Неусыпающую въ молитвахъ Предстательницу нашу у Престола Святыя Троицы! Аминь.

С. К.

Молитвенный вопль къ Богородицѣ.

Марія, Дѣва Пресвятая!
Царица неба и земли!
Съ небесъ, на землю призирая,
Моленю нашему внемли!
Ты зришь какой путь испытаній
Пройти мы, грѣшныя, должны,
Какія скорби и страданья
Намъ на землѣ сей суждены;
Ты зришь и нашу неисправность,
Болѣзни тѣла и души.
И воли немощной злонравность,
И слезы горькія въ тиши.
Къ Тебѣ мы нынѣ прибѣгаемъ:
Въ бѣдахъ прибѣжище Ты намъ.
Всѣ скорби сердца повергаемъ
Къ Твоимъ, Пречистая, стопамъ.
Пролей намъ въ сердце утѣшенье,
Печали бурю разори!
И путь нашъ къ вѣчному спасенью
Небеснымъ свѣтомъ озари!
Спасти всѣхъ грѣшниковъ желая,
Къ Христу моленіемъ Твоимъ,
И намъ отверзи двери рая
Печальнымъ странникамъ земнымъ.

Софія Кольчугина.

Подъ сѣнію креста.

...и обрѣлъ еси безцѣнный бисеръ Христа“.

Высоко надъ Кіевомъ величавая фигура св. князя. Внизу—Днѣпръ и дажкія, свѣтлыя дали. Съ обнаженной головою стоитъ князь. Глаза устремлены къ небу. Словно непрестанную молитву творить. И долетаетъ до него

тихій монастырскій звонъ. Доносится звонъ и отъ св. Софіи. Настанетъ вечеръ. Спокойное, темное южное небо раскинется надъ нимъ. Заблеститъ огнями крестъ въ его рукахъ. Заблестятъ огнями темнѣющія дали. И Днѣпръ и небо сливаются во мглѣ. И хочется смотрѣть... смотрѣть—и молчать. А въ рукѣ князя высоко надъ городомъ и надъ Днѣпромъ и надъ толпою людскою блистающей огнями—крестъ. *Крестъ!*.. Прошло болѣе тысячи лѣтъ, какъ засіялъ онъ надъ Русью, и она, скорбная въ минуты скорби, радостная во дни радости, съ тѣхъ поръ склоняется поды сѣнь креста, вѣрующая, смиренная, молящаяся. Ночь... Пирамидальный тополь стоитъ неподвижно, и весь онъ трепетное ожиданье, безмолвное стремленіе къ небесамъ. О чудная, тихая ночь! И къ небу стремясь, на небеса указываетъ намъ св. князь, и въ поднятой рукѣ его горитъ огнями—крестъ.

Св. Равноапостольный Князь Владиміръ.

Сверкая колоколами, высится надъ Кіевомъ, высится надъ Днѣпромъ *старинная Лавра*. Колоколь гудить... Хорошъ этотъ звонъ. Странники входятъ, крестясь, въ св. монастырскія ворота. Сколько страданій и слезъ несутъ они сюда—поды сѣнь креста! Ближнія и дальнія пещеры... Пещеры!.. Какая жизнь!.. Какія лишения! Здѣсь вѣчный мракъ... безмолвная могила... Но этотъ мракъ—скорбиль радость? Здѣсь вѣчное отреченье... молитвы и слезы—поды сѣнью креста. Здѣсь—мракъ. Здѣсь—тишина. Здѣсь—гробницы. А внизу поды горою сіяетъ на солнцѣ—Днѣпръ голубую струей въ зеленыхъ своихъ берегахъ. Но и онъ сіяетъ жизнью, но и онъ прекрасенъ—поды сѣнью креста. Величавая фигура князя издали крестомъ осѣняетъ его. И помнитъ Днѣпръ времена давнія... вѣка былые... Такъ же сіяло надъ нимъ свѣтлое, горячее солнце... Пирамидальные тополи молчали. И такъ же чиста и свѣтла была его голубая волна. И убѣгала вдаль... задумчиво глядѣль во слѣдъ волнъ великій князь. Что-то новое... Что то могучее росло и ширилось въ душѣ. Мысль за мыслью... Дума за думой... Словно волна догоняла волну.. Молчалъ князь... Молчалъ задумчивый тополь на горѣ, стремясь къ небу... Къ небу... Ясному... свѣтлому, чистому. А внизу тихо катилась свѣтлая волна. Ярко свѣтило солнце. Былъ ясный день... Былъ радостный день... Что-то вели-

кое совершалось на Днѣпрѣ... Громкое пѣніе пронеслось надъ нимъ. То была не прежняя языческая пѣсня... Иныя слова, иныя чувства жили въ ней. Неслася и рвалась радостная пѣснь къ свѣтлымъ небесамъ и уносила ее съ собою волна. И радостенъ былъ князь, словно уносила эта пѣснь тревожныя думы съ души, мрачныя складки съ чела. Замолкли въ душѣ думы тревожныя. Нашелъ онъ миръ—подъ сѣнію креста. И свѣтель и радостенъ князь. Но души многихъ еще таятъ недоумѣнья. На лицахъ ихъ еще не радость... недоумѣніе... вопросъ... испугъ... Но неслышно подойдет тихое горе, или бурно нахлынетъ страданье,—и сердце запроситъ утѣшенья... возжаждетъ слезъ и заплачетъ и затоскуетъ и найдетъ утѣшенье—подъ сѣнію креста... А языческая вѣра? И пойметъ сердце силу новой, свѣтлой вѣры. Сила вѣры—утѣшеніе вѣры, утѣшеніе сердца поды сѣнію креста.

Любилъ и жалѣлъ народъ свой князь-христіанинъ. Нищій, сирый и убогій глубокую жалость будили въ немъ. И спѣшилъ помочь... облегчить горе... Но величайшее утѣшеніе, какое далъ онъ имъ и дѣтямъ, и внукамъ ихъ—крестъ. Десятинная церковь... Познавъ новую вѣру, князь строить храмъ прежде Невѣдомому Богу. И надъ Кіевомъ высоко къ небесамъ возвышается крестъ.

Вѣка проходили... Горе и радость смѣняли другъ друга... И годы шли своимъ чередомъ. Но незблennyй, свѣтлый сіялъ надъ Кіевомъ крестъ. И память князя жива. Июль... Горячее солнце смотритъ съ небесъ. Колокольный звонъ несется. И мать городовъ русскихъ торжественно празднуетъ свой обычный радостный праздникъ—подъ сѣнію креста. Несется звонъ колокольный широкой волной надъ Днѣпромъ. И, кажется, вспомнилъ старый Днѣпръ то, что совершилось когда-то, въ вѣка сѣдые, на его берегахъ. И вѣютъ надъ городомъ и сіяютъ на солнцѣ священныя знамена—знамена христіанства, блестятъ хоругви, а на хоругвяхъ—крестъ. Тихо движутся хоругви и иконы... словно замерли въ тихомъ экстазѣ молитвы... Какъ вокругъ матери, собрались они вокругъ Софійскаго собора.

Софійскій соборъ! Какъ рано явился онъ на Руси! Какъ скоро послѣ св. Владиміра! И потому и въ немъ живъ св. князь. Софійскій соборъ!.. Темный... Тихій!.. Задумчивый... Старый соборъ... Какъ хорошо въ немъ плакать!.. Какъ сладко молиться... нести скорбь свою—подъ сѣнью креста.

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ!“... На землѣ иль въ небесахъ моя душа? Тихо, неслышно, какъ-то вдругъ, словно чаруя, подкралась къ ней звуки. И замерла... и молчитъ. И земное далеко... далеко. Я въ Москвѣ. То же безоблачное ясное небо... То же яркое, свѣтлое солнце... И тихіе звуки... знакомые звуки... „Коль славенъ“... Гермогеновскія празднества... Крестный ходъ на Красной площади у св. воротъ Кремля... И тихое, будто вдаль звучачее „Коль славенъ“... Тогда я вспомнила Кіевъ, ясное июльское утро и тѣ же тихіе звуки возлѣ Софійскаго собора. Гдѣ-то вдали звучали они... тихіе... нѣжные... словно съ небесъ... Словно душа, тоскуя, плакала по небу... и тихо... тихо уносила туда, гдѣ нѣтъ ни тревогъ, ни печали... И снова вернуться на землю? Пережить вновь и суету, и огорченья, и горести земли? Но

мощнымъ движеніемъ къ небу подыалъ Владиміръ св. въ рукѣ своей крестъ. И слышится тихій, утѣшающій голосъ: „Возьми крестъ свой—и по Мнѣ гряди“... Съ тѣхъ поръ, какъ князь святой внесъ въ Россію крестъ, сколько разъ звучали эти тихія рѣчи и въ исповѣдальнѣ, и въ храмѣ, и въ обители, и въ кельѣ, и въ душѣ, на исповѣди, и въ бесѣдѣ, и на молитвѣ, и въ земныхъ поклонахъ—все то же: „Возьми... возьми крестъ“... Иди поды сѣнію креста...

Тихе... тихе... замирали звуки... Крестный ходъ двинулся къ Днѣпру. А въ душѣ еще звучала и еще пѣла музыка небесъ... И тихо было тамъ поды сѣнію креста...

Севастополь... Горячее солнце юга... Южное море сверкаетъ поды нимъ... Южное море шумитъ... На возвышеніи монастырь. Херсонесъ... Здѣсь принято крещеніе Владиміръ. И уже не Днѣпръ,—Черное море поетъ о немъ свои пѣсни, и, стремясь вдаль, говоритъ о немъ морская волна. За оградой обители—безбрежная даль морская. Херсонесъ! Что переживалъ здѣсь св. князь, принимая новую вѣру? Что говорило ему море, и какія его думы подслушало оно? Еще боролась въ душѣ гордость язычника со смиренной вѣрой христіанина. Но душа жаждала иной вѣры, тосковала по живому Богу—и склонилась поды сѣнью креста.

Июль... Южное солнце сіяетъ надъ Херсонесомъ. Нѣжные звуки несутся къ небесамъ. И душа молчитъ, внимая имъ. И слышится ей въ этихъ звукахъ таинственный шопотъ небесъ. „Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ, не можетъ изъяснить языкъ“...

Не можетъ изъяснить душа тѣхъ чувствъ святыхъ, того восторга, того успокоенья—поды сѣнію креста. И блеститъ на солнцѣ монастырскій крестъ... И солнце—и крестъ... Какъ дивно соединились они здѣсь. Но выше—крестъ. И это море лазурное, и это солнце жгучее, и это небо ясное, и вся эта красота, и ширь, и даль—что они—безъ креста? Надъ всѣмъ, надъ всею этой красотой, прекраснѣй и свѣтлѣе всего—и что другое утѣшитъ въ скорби, когда измѣнитъ все, что другое покроетъ нашу могилу,—надъ всѣмъ онъ царитъ—крестъ!

Но отъ чуднаго, свѣтлаго юга мысль и чувство переносятся вновь въ Кіевъ родной. Не на берегу прекраснаго южнаго моря, здѣсь, возлѣ роднаго Днѣпра, думалъ князь св. о повомъ Богѣ и томился невѣдомой печалью. И не родная ли намъ эта печаль? Въ нашъ вѣкъ религиозныхъ исканій и религиозной тоски не близокъ ли намъ далекій образъ св. князя? Вѣка прошли... Но почему не жить порою и въ вѣкахъ минувшихъ? Великолѣпный Владимірскій соборъ—блестящій памятникъ св. князю, но для души дороже таинственный полумракъ, таинственная тишина Софійскаго собора. Тамъ—князь живетъ. Тамъ—живетъ православная старина. Тамъ—живутъ словно въ темной кельи, незримыя міру слезы. Тамъ—тихое пристанище для тоскующей души. Тамъ—польются примиряющія слезы. Тамъ—замретъ душа въ слезахъ, въ земномъ поклонѣ, въ смиреніи молитвы. И тамъ пойметъ она, что нашелъ князь у Христа, что далъ онъ намъ, давъ крестъ, и что находили у креста страждущія души. Тамъ пойметъ душа,

чего искала она, тоскуя, и переживетъ вѣру тамъ— въ глубокомъ земномъ поклонѣ — подѣ сѣнію креста.

Л. Черленіовская.

МОИ ИЗБРАННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Продолженіе. См. № 28).

4.

Явная помощь Божія въ искушеніи.

Въ Мещовскомъ монастырѣ, въ мое пребываніе тамъ жилъ достопочтенный старецъ іеромонахъ Иларій, называвшійся Рязанскимъ какъ въ отличіе отъ своихъ соименниковъ, такъ и по происхожденію своему изъ Рязанской губерніи, гдѣ онъ даже провелъ нѣкоторое время и въ монашескомъ званіи. О. Иларій недавно скончался и великолѣпный памятникъ надъ его могилой, сооруженный его духовными дѣтьми и почитателями, наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что его не только при его жизни глубоко уважали, но и послѣ его смерти продолжаютъ уважать.

Онъ былъ дѣйствительно замѣчательнымъ старцемъ: богатъ былъ собственными опытами духовной жизни, очень начитанъ святоотеческихъ писаній и въ частности аскетическихъ твореній, обладалъ незаурядными умственными способностями и хорошимъ даромъ слова. Переписка его была весьма обширная. Ему писали съ разныхъ сторонъ Россіи и онъ легко, толково и основательно разрѣшалъ всякія сомнѣнія и возраженія своихъ корреспондентовъ.

Свою обширную начитанность о. Иларій, между прочимъ, проявлялъ и по отношенію ко мнѣ, убѣдивъ меня послѣ исповѣди опасно больныхъ, приобщаемыхъ обычно въ домахъ, непремѣнно читать надъ ними общую разрѣшительную формулу, положенную въ „чинѣ исповѣданія“ (Господь и Богъ Іисусъ Христосъ...), а не ограничиваться одною молитвою, находящеюся въ чинѣ „Како причастити больного“ (Господи Боже нашъ...). такъ какъ этою молитвою лишь испрашивается отпущеніе грѣховъ, а не дается разрѣшеніе ихъ.

Съ большою своею начитанностью о. Иларій соединялъ искреннее желаніе по возможности осуществитъ въ своей жизни монашескіе обѣты. Онъ отличался совершенною нестяжательностію, безъ остатка раздавая все, что получалось имъ отъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ дѣтей и знакомыхъ; былъ строгимъ воздержникомъ, употребляя трапезную пищу у себя въ келліи лишь одинъ разъ въ сутки и то одно какое-либо кушанье, по выбору его келейника; ни одной минуты не проводилъ въ праздности, а все свободное время послѣ богослуженія шло у него всецѣло на разные труды и преимущественно на разведеніе монастырскихъ пчелъ, на устройство для нихъ зимнихъ помѣщеній, на дѣланіе ульевъ и проч., въ молитвѣ проливалъ онъ, безъ сомнѣнія, горькія слезы, оттого глаза у него всегда были красные и щеки его воспаленныя; въ церкви стоялъ онъ почти всегда съ закрытыми глазами и съ любовію уча-

ствовалъ въ пѣніи на лѣвомъ клиросѣ, — вообще о. Иларій былъ одушевленъ горячимъ стремленіемъ не казаться лишь, но и быть монахомъ.

Только у него все это проникнуто было, по крайней мѣрѣ въ началѣ его монашескихъ подвиговъ, въ большой степени самоувѣренностію и самонадѣянностію, вопреки яснымъ словамъ Господа, что безъ Него мы ничего не можемъ сдѣлать (Іоан. 15, 5). Такъ, напримѣръ, вступая изъ міра въ монастырь, о. Иларій поклялся было во всю свою жизнь не пить чаю. „Это было бы, говорилъ онъ тогда, первымъ моимъ паденіемъ, если бы я позволилъ себѣ выпить хоть одну чашку чаю“. Но милосердый Господь не замедлилъ вразумить еще молодого, неопытного инока, показавъ ему самымъ дѣломъ неустойчивость, слабость человѣческой воли. Не прошло и одного года послѣ заклія о. Иларія, какъ онъ въ одно время сильно простудился и занемогъ, и вотъ, съ одной стороны, въ виду неприятой перспективѣ тяжело и долго болѣть, съ неизвѣстнымъ притомъ исходомъ этой болѣзни, а съ другой — подѣ влияніемъ упрашиваній благорасположенныхъ къ нему лицъ, нашъ „нечаевникъ“ рѣшился торжественно нарушить свою клятву и заразъ выпилъ одинъ едва не весь большой самоваръ. Съ тѣхъ поръ о. Иларій уже не переставалъ пить чай до самой своей смерти.

Скоро однако этотъ урокъ былъ забытъ о. Иларіемъ, онъ по прежнему разные свои подвиги и добрыя дѣла больше приписывалъ себѣ и своимъ силамъ, чѣмъ Господу и Его благодатной помощи. Тогда Господь послалъ ему болѣе серьезное и тяжелое испытаніе.

О. Иларій проходилъ послушаніе старшаго просфорника. Наканунѣ праздника Успенія Божіей Матери его помощникъ, младшій просфорникъ, просилъ его благословить (монашеское выраженіе, означающее позволить, разрѣшить) ему помыться въ своей келліи, находившейся рядомъ съ келліею о. Иларія. О. Иларій охотно благословилъ ему это сдѣлать. Но только что его помощникъ началъ мыться, какъ о. Иларію пришелъ помысль, зачѣмъ я, думалось ему, благословилъ ему мыться? Стоитъ ли онъ того? О. Иларій, всегда бдително слѣдившій за движеніемъ своихъ мыслей, сейчасъ же понялъ, что пришедшій ему помысль не его, а вражій, и Іисусовою молитвою прогналъ его отъ себя. Но чрезъ минуту тотъ же помыселъ снова вооружился противъ о. Иларія и заставилъ его припомнить, что моющійся его помощникъ не разъ портилъ просфоры, не разъ клалъ въ печь дрова по своему, а не такъ, какъ ему было показано, не разъ не обращалъ вниманія на замѣчаніе касательно чистоты и порядка въ его келліи. О. Иларій однако Іисусовою молитвою и осѣненіемъ себя крестнымъ знаменіемъ прогналъ и этотъ помысль. Чрезъ нѣсколько секундъ опять все тотъ же помысль съ мелочными подробностями представилъ о. Иларію, какъ его помощникъ вездѣ развязно чернить его, называя его и ханжею, и пустосвятомъ, и лицемѣромъ, и другими позорными именами, и люди, слыша это, очень соблазняются и отчасти даютъ вѣру его словамъ.

До сихъ поръ у о. Иларія борьба была съ злымъ помысломъ лишь въ области холоднаго ума, не затрогивая его сердца, не вызывая въ немъ сочувствія вражіймъ внушеніямъ. Когда же врагъ

перенесъ свою борьбу на чисто личную почву и коснулся чести и добраго имени о. Иларія, то у него невольно стало загораться уже и сердце мстительной враждою противъ своего помощника и явилось сильное стремленіе немедленно пойти въ келлію помощника и властно заставить его прекратить мыться. Едва сдерживая себя на мѣстѣ, о. Иларій началъ усиленно творить Иисусову молитву и учащено креститься. Но къ величайшему его огорченію, ни Иисусова молитва, ни крестное знаменіе не оказывали своего спасительнаго дѣйствія: въ сердцѣ о. Иларія воспламенилась неукротимая злоба къ своему помощнику, онъ уже рѣшилъ идти къ нему и не только насильственно прекратить его мытье, но и самому ему надѣлать всевозможныхъ оскорбленій.

Къ счастью о. Иларія, въ то время зазвонили въ монастырѣ къ малой вечерни и его помощникъ, какъ назначенный читать эту вечерню, быстро кончилъ свое мытье, собрался и поспѣшилъ въ церковь. О. Иларій остался очень доволенъ, что не нарушилъ своего обычнаго мирнаго отношенія къ своему помощнику и самъ тоже собрался и пошелъ въ церковь.

Но когда онъ вошелъ въ церковь и увидѣлъ своего помощника читающимъ на аналогіи посреди церкви начало малой вечерни, то въ немъ снова моментально вспыхнуло такое ненавистническое чувство къ нему, что онъ готовъ былъ бѣжать по церкви, подойти къ аналогію, опрокинуть или изломать его, а самого читающаго бить и просто стереть съ лица земли. О. Иларій въ это время стоялъ предъ иконою Нерукотвореннаго Спаса, и вотъ, объятый весь вражьей силой и потерявший всякую возможность противиться ей, онъ, смотря почти съ отчаяніемъ на эту икону, глубоко вдохнулъ и почти вслухъ произнесъ: „Господи, да помоги же мнѣ!“ Вдругъ послѣ этого адское душевное состояніе о. Иларія куда-то исчезло, доселѣ къмъ-то крѣпко стѣсненный и угнетенный, онъ теперь почувствовалъ себя свободнымъ и радостнымъ, сильнѣйшая ненависть къ его помощнику замѣнилась такою любовью къ нему, что онъ готовъ былъ бѣжать къ аналогію уже не бить и уничтожать читавшаго на немъ, а со слезами раскаянія обнимать и цѣловать его.

Обо всемъ этомъ о. Иларій не разъ рассказывалъ не только мнѣ, но и всей братіи Мещовскаго монастыря.

Да не соблазнится никто, что о. Иларію въ минуты искушенія не помогло ни призываніе имени Иисуса Христа, ни крестное знаменіе. Съ молитвою Иисусовою и крестнымъ знаменіемъ не необходимо связано спасительное ихъ дѣйствіе, а это ихъ дѣйствіе зависитъ отъ извѣстныхъ условій и главнымъ образомъ отъ нашего искренняго, глубокаго благоговѣнія предъ Господомъ Иисусомъ и Его честнымъ крестомъ и отъ нашей горячей, смиренной вѣры въ нихъ. Безъ соблюденія этихъ условій ни достопоклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа, ни Его святой крестъ намъ не помогутъ. Вотъ почему какіе-то изъ скитавшихся іудейскихъ заклинателей, употреблявшіе надъ имѣвшими злыхъ духовъ имя Господа Иисуса, не имѣли успѣха (Дѣян. 19, 13—16). Вотъ почему и сами Апостолы, творившіе чудеса не своимъ, конечно, именемъ, а именемъ Господа Иисуса (Лук. 10, 9, 17; Дѣян. 3,

12), не могли однако исцѣлить бѣсноватаго (Мк. 17, 16, 19—21).

О. Иларій несомнѣнно вѣрилъ въ Господа Иисуса и Его св. крестъ, но онъ, — насколько я могу судить, зная его хорошо, — обращался къ Господу не какъ собственно къ Высочайшему Существо и своему Творцу, а какъ бы къ зависимому отъ него лицу, обязанному исполнить его волю, то есть, обращался безъ надлежащаго благоговѣнія и смиренія, безъ яснаго сознанія своего недостойнства и своей беспомощности. Онъ не просилъ, не умолялъ Господа, а, такъ сказать, повелѣвалъ, приказывалъ Ему отогнать отъ него сатану и возвратить ему обычный покой. Это-де Твое, Господи, дѣло, Ты его и сдѣлай. Такое горделивое обращеніе къ Господу не только смѣло и самоувѣренно, но и дерзко и оскорбительно. Въ подобномъ случаѣ, ради блага самого человѣка и для наученія его смиренію, Господь и не оказываетъ ему Своей помощи. Но вотъ, когда о. Иларій вполне созналъ свое ничтожество и свою крайнюю нужду въ благодатномъ заступничествѣ въ своей неравной борьбѣ съ дьяволомъ, когда онъ въ своемъ безвыходномъ положеніи съ чувствомъ утопающаго воззвалъ къ Господу: „Господи, да помоги же мнѣ“, то Господь тотчасъ же простеръ ему Свою всемогущую руку и спасъ его отъ темной силы.

Впрочемъ, иногда Господь, по особымъ Своимъ промыслительнымъ видамъ, отниметъ силу у Своего Святого имени и у честнаго креста даже и тогда, когда извѣстныя лица употребляютъ ихъ съ несомнѣнною горячею вѣрою и съ непритворнымъ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ. Но это далеко не часто бываетъ и притомъ, кажется, только съ святыми людьми, которые способны проникать въ намѣренія Божіи и цѣнить ихъ. Такъ было, напримѣръ, съ св. Антоніемъ Великимъ, св. Марією Египетскою и др.

Если бы имя Божіе и св. крестъ всегда оказывали свое дѣйствіе, то это могло бы сильно стѣснить многія живыя существа, созданныя Богомъ разумно-свободными, предназначенными расползгаться своею жизнію и дѣятельностію по своему усмотрѣнію, и особенно могло бы губительно отразиться на сатанѣ въ будущемъ вѣкѣ: тогда грѣшники едва ли остались бы въ адѣ вмѣстѣ съ дьяволомъ, — тогда они навѣрное воспользовались бы въ своихъ интересахъ силою святого имени Иисуса Христа и Его животворящаго креста.

Епископъ Гедеонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ лѣсу.

(Силуэтъ).

Ррко-синее небо, блестящій, солнечный июльскій день, ароматъ безпредѣльнаго луга, бодрящая прохлада рѣчки и жуткій, таинственный мракъ сосѣдняго бора, чаруютъ и манятъ къ себѣ.

Невольно тянетъ туда изъ душевно надоѣвшей квартиры; непривычная душа горожанина проситъ

простора полей и лѣсовъ и я, бросая все, иду въ манящую даль.

Сильно припекаетъ солнце, но нѣсколько десятковъ шаговъ и тихая, прѣная прохлада соснового лѣса обнимаетъ меня со всѣхъ сторонъ. Нога тонетъ въ мягкой сочной травѣ, молодые побѣги хвойныхъ породъ своими еще мягкими иглами легко царапаютъ пылающее лицо, тонкая, почти незримая, паутина опутываетъ со всѣхъ сторонъ, дышется легко и бодро, и въ усталую грудь вливаются новыя силы.

По едва замѣтной, но знакомой тропинкѣ, усыянной сухими, хрустящими вѣтками, пробираюсь я въ самую глубь, окутанную синеватой дымкой, къ новенькому, красивенькому домику моего пріятеля лѣсника Акима Акимыча, уже шестой годъ живущаго здѣсь.

И еще, беря послѣднія препятствія, въ видѣ пушистыхъ, чуть не по поясъ, широколистныхъ папоротниковъ, загораживающихъ мнѣ дорогу, издали слышу густой басъ, съ чувствомъ выводящій: Живыи въ по-о-мощи Вышняго.

Это доказываетъ, что Акимъ Акимычъ—этотъ лѣсной человѣкъ—лежащійся съ пѣтухами и встающій съ зарей, занять какимъ-нибудь дѣломъ, и какъ человѣкъ, прошедшій долгое время въ одиночествѣ или вслухъ бесѣдуетъ самъ съ собой, или же поетъ любимыя псалмы, молитвы, и лѣсное эхо далеко разноситъ святыя слова.

Привѣтливо встрѣчаетъ онъ меня, и не проходить часа, какъ мы, сидя на душистой муравѣ, пьемъ чай съ ароматными ягодами, съ горячимъ мягкимъ хлѣбомъ.

И какъ всегда, во всѣ мои визиты къ нему, беседа наша незамѣтно переходитъ на его тяжелую семейную драму, заключавшуюся въ томъ, что единственная дочь его, восемнадцати-лѣтняя Галя, бросила его и ушла въ далекій и чуждый Петербургъ.

Случилось это такъ: юная, впечатлительная дѣвушка, воспитанная въ духѣ строгой религіозности, проведшая лучшіе годы въ глухомъ лѣсу, наединѣ съ природой, спала и видѣла посвятить себя Богу и иноческой жизни. Самъ Акимъ Акимычъ, какъ человѣкъ въ высшей степени религіозный, ничего противъ этого не имѣлъ и не разъ въ его простой безхитроный мозгъ заползали честолюбивыя мечты. Онъ видѣлъ свою Галю и скромной послушницей, и рясофорной монахиней и, наконецъ, самой игуменьей съ сверкающимъ золотымъ крестомъ на фонѣ черной рясы. Но не такъ судилъ Господь.

Сталъ замѣчать Акимъ Акимычъ, что Галя цѣлыми днями стала пропадать на селѣ, но какъ человѣкъ вполне увѣренный въ дочери, не придавалъ этому значенія, пока совершенно случайно не узналъ, что туда пріѣхалъ какой-то наставникъ или проповѣдникъ и занялся разъясненіями сущности христіанской вѣры. Когда Акимъ Акимычъ сталъ спрашивать Галю, то она сказала ему, что они читаютъ евангеліе, поютъ молитвы, что собирается много женщинъ и, конечно, никто и ничего предосудительнаго въ этомъ не видитъ. Довѣрчивый отъ природы, онъ вѣрилъ дочери на слово, но провѣрить не могъ за неимѣніемъ свободнаго времени, хотя какое то смутное предчувствіе не разъ волновало его душу, въ сердцѣ

заползало чувство раздраженія противъ самозваннаго проповѣдника, чувство, знакомое всѣмъ искренне вѣрующимъ.

Кончилось это тѣмъ, что Галя, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, оставивъ отцу письмо, уѣхала съ проповѣдникомъ въ какую-то сектантскую общину. Горе Акима Акимыча не поддавалось описанію. Чего, чего онъ не предпринималъ, куда не обращался, чтобы вернуть себѣ дочь, но все было напрасно и только глубокая вѣра помогла ему не впасть въ отчаяніе. Прошло нѣсколько лѣтъ, онъ какъ то замкнулся въ себѣ и лишь въ горячей молитвѣ изливая наболѣвшую душу, находилъ покой и отраду.

— Господи! какъ больно и горько—печально качая головой, говорилъ Акимъ Акимычъ—что родное дитя, моя плоть и кровь, пало въ пучину сектанства и я безсиленъ вырвать ее.

— Мнѣ кажется—утѣшалъ я его, какъ могъ—что пройдетъ извѣстное время и ваша Галя сама увидитъ свое заблужденіе и вновь, раскаявшись, вернется не только къ вамъ, но и въ лоно Матери Церкви.

— Ахъ, дай-то Богъ, дай-то Богъ—съ жаромъ восклицалъ Акимъ Акимычъ, крѣпко пожимая мои руки.

И вдругъ, вытянувшись во весь свой исполинскій ростъ, потрясая въ воздухѣ рукой, онъ воскликнулъ:

— Проклятіе вамъ, незваные проповѣдники! Проклятіе вамъ, слуги сатаны. Какъ шакалы и волки, рыщите вы по святой Руси, ища себѣ добычи и похищая нашихъ дѣтей! Но придетъ и наступитъ для васъ тяжкій часъ расплаты, и вы дадите строгій отвѣтъ Создателю за погубленныхъ вами!

Страшенъ былъ, какъ Божій гнѣвъ, Акимъ Акимычъ въ этотъ часъ. И жуткимъ эхомъ разносился его громкій голосъ по родному бору и, казалось, вѣтви столѣтнихъ елей и сосенъ громкимъ шелестомъ вторили ему.

Сергѣй Горбуновъ.

Отвѣты вопрошающимъ.

Вопросъ (свящ. І. Гуровскаго). Въ мой приходъ назначенъ новый завѣдывающій мѣстнымъ сельскимъ приходскимъ двукласснымъ училищемъ, гдѣ я состою уже 12 лѣтъ законоучителемъ. Новый завѣдывающій предложилъ мнѣ производить письменныя работы по закону Божію, напр. черченіе скинии, храма, списываніе исторій съ книги, переложеніе (письменное) исторій и т. п. Кроме того, заявилъ, что его обязанность—посѣщать уроки закона Божія. 1) На основаніи 3519 ст. св. Зак. т. 11, «о народныхъ училищахъ въ г. Киевской, Подольской и Волынской—законоучители суть блюстители сихъ училищъ, обязанные имѣть надзоръ за ходомъ обученія и въ особенности за религіознымъ направленіемъ ученія».—Распространяется ли сія обязанность законоучителей и на двуклассныя приходскія училища? 2) Имѣетъ ли законное основаніе завѣдывающій школой посѣщать уроки закона Божія, даваемые мѣстнымъ свящ.—комъ, слѣдить за ходомъ преподаванія закона Божія и требовать отъ законоучителя—производства работъ письменныхъ, о которыхъ ничего не сказано въ программахъ? 3) Имѣетъ ли основаніе завѣдывающій школой, не изучивши специально закона Божія,

предлагать тѣ или другіе методы и способы преподаванія этого предмета законоучителю? 4) Посѣщеніе завѣдующимъ уроковъ закона Божія, вмѣшательство въ порядокъ и ходъ преподаванія—не является ли это, со стороны завѣдующаго, превышеніемъ власти? 5) Посѣщая урокъ закона Божія, является ли завѣдующій въ данномъ случаѣ руководителемъ законоучителя въ веденіи преподаванія закона Божія или лицомъ начальствующимъ—контролирующимъ? Всѣ предложенные вопросы имѣютъ для законоучителей принципиальное значеніе. Между тѣмъ, въ настоящее время не только въ школахъ моего прихода, но и во многихъ другихъ гг. завѣдующіе имѣютъ тенденцію изображать изъ себя какихъ то самостоятельныхъ важныхъ начальниковъ, желающихъ унижить священника даже предъ дѣтьми—учениками,—свести роль законоучителя и блюстителя училища на самую низкую степень,—даже самое преподаваніе закона Божія въ школахъ подчинить своему личному усмотрѣнію и желанію. Горе намъ! Если что можете, помогите намъ...

Отвѣтъ. По § 37 Высочайше утвержденного 26 февр. 1896 г. «Положенія объ управленіи школами ц.-приходскими и грамоты», ближайшимъ начальникомъ завѣдывающихъ школами и законоучителей является благочинный, обязанности котораго по наблюденію за школами изложены въ опред. Св. Синода отъ 16—29 іюля 1896 г. Завѣдующій народнымъ училищемъ подчиняется ближ. образомъ, инспектору народныхъ училищъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ вмѣшиваться въ дѣло преподаванія закона Божія,—тѣмъ болѣе, что дѣятельность законоучителя подлежитъ вѣдѣнію мѣстнаго епарх. начальства.

Вопросъ (свщ. В. Бузановскаго). Время, проведенное на военной службѣ по призыву изъ псаломщиковъ, засчитывается ли въ срокъ выслуги на пенсію, или нѣтъ? 2) Съ января 1893 г. по октябрь 1906 года я непрерывно состоялъ учителемъ и законоучителемъ въ церк.-приходскихъ школахъ. Имѣю ли я право на ношеніе серебр. медали, установленной въ память 25 лѣт. существованія церк. школъ? Откуда испросить свидѣтельство, разрѣшающее ношеніе медали?

Отвѣтъ. 1) Проведенная въ званіи псал.—ка служба на пенсію не засчитывается. Въ виду же долговременной и усердной службы священнослужителя, не получившаго права на пенсію, епарх. начальству предоставляется назначить таковому ежегодное денежное пособіе изъ суммъ епарх. попечительства, или же ходатайствовать о таковомъ пособіи изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи Св. Синода. 2) Относительно права и свѣдѣт.—ва на ношеніе серебр. медали въ память 25 лѣт. существованія церк. школъ чужно снести чрезъ уѣзд. или епарх. наблюдателя ц.-приходскихъ школъ съ мѣстнымъ епарх. учил. совѣтомъ.

Вопросъ (свщ. П. Агаркова). Получаемыя арендные деньги за церк. землю должны поступать на имя настоятеля или же кого либо изъ другихъ свщ.—ковъ въ причтѣ,—кто долженъ дѣлить ихъ и въ какомъ порядкѣ, т. е. выдавать за весь годъ сразу всѣмъ членамъ причта или же ежемѣсячно при раздѣлѣ общей братской кружки?

Отвѣтъ. Порядокъ дѣленія доходовъ причта указанъ въ Высочайше утвержд. 24 марта 1873 г. правилахъ о мѣстныхъ средствахъ содержанія духовенства и дѣленія ихъ и позднѣйшихъ указахъ Св. Синода. Арендный доходъ

долженъ дѣлиться по правиламъ, изложеннымъ въ опредѣленіи Св. Синода отъ 16 по 24 декабря 1887 года.

Лисьмо въ редакцію.

Я, нижеподписавшійся, клянусь Всемогущимъ, что цѣлый годъ (или и дальше) ежедневно буду совершать Божественную Литургію о здравіи того благодѣтеля (и за упокой его сродниковъ), котораго въ моемъ приходѣ, селѣ Русаловкѣ, окончить работой храмъ во имя Спаса. Стѣны сдѣланы до оконъ. Матеріалы всѣ готовы, имѣются двѣ печки для выжиганія кирпича. Приходъ мой—гнѣздо штундизма во всей Кіевской епархіи. Православные такъ распропагандированы, что положительно не даютъ никакой помощи. Мои личные средства для сего совершенно истощены. Храмъ, какъ жизнь, нуженъ. Пожертвованія можно направлять Русалковскому Церковно-строительному комитету, на ст. Буки, или черезъ духовную консисторію.

Свщ. С. Болдановичъ.

Милостивый благодѣтель!

24 года тому назадъ прихожанъ села Личадѣва постигло несчастье.—У нихъ сгорѣлъ деревянный храмъ. Вмѣсто него въ 1887 году былъ заложенъ имъ новый каменный во имя Великомученика Феодора Стратилата и Великомученицы Параскевы, но до сихъ поръ не оконченъ постройкой. Каменная колокольня, доведенная до 2-го яруса уже 6 лѣтъ какъ не строится, настоящій храмъ представляетъ однѣ голыя стѣны: нѣтъ ни иконостаса, ни иконъ, ни ограды кругомъ церкви, крыша по мѣстамъ проржавѣла и ее необходимо перекрыть на трапезной церкви и покрасить. Въ Строительномъ Комитетѣ никакихъ средствъ нѣтъ, а имѣются одни только долги—болѣе 1000 рублей. Прихожане въ послѣдніе годы не оказываютъ никакой помощи. Село Личадѣво—центр мѣстнаго раскола. Большинство прихожанъ старообрядцы (1250 чел.) выстроили себѣ каменную часовню и образы свои общину, а православные, живя среди раскольниковъ и подвергаясь ихъ пагубному вліянію, равнодушно относятся къ постройкѣ храма, къ тому же они очень бѣдны. Къ Вамъ, Боголюбивый жертвователь, обращаемся за помощію словами Апостола Павла: „каждый удѣляетъ по расположенію сердца... ибо добротойю дано шало любить Бога“ (Кор. 9 гл. 7 ст.) помогите отъ своихъ щедротъ достроить намъ храмъ во славу православія и на умиротвореніе мѣстнаго раскола, высоко поднявшаго голову при видѣ убогаго недостроеннаго нашего храма. Имена всѣхъ жертвователей будутъ висаны въ особые синодики и поминаться на Божественной Литургіи, какъ за живыхъ, такъ и умершихъ.

Пожертвованія на постройку храма просимъ высылать—Строительному Комитету въ с. Личадѣво, чрезъ Стековское почтовое отдѣленіе. Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губ.

Предсѣдатель Строительнаго Комитета по постройкѣ храма въ селѣ Личадѣвѣ И. Опциковъ, Члены комисіи: Свщ. Покровскій, Діаконъ Іоаннъ Троицкій, Псаломщикъ Евѣимій Новосельскій, Иванъ Самаринъ, В. Камковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Путеводные огоньки. 2) Отвѣты на недомѣянные вопросы о предм. вѣры и нравственности. 3) Утѣшеніе въ вѣрѣ. 4) Божьи знаменія. 5) Молитвенный вопль къ Богородицѣ (стихотв.). 6) Подъ сѣнію креста. 7) Мои избранныя воспоминанія. 8) Въ лѣсу. 9) Отвѣты вопрошающимъ. 10) Письмо въ редакцію. 11) Воззваніе.

РИСУНКИ: 1) Изображеніе чудотв. иконы Божіей Матери „Казанскія“. 2) Виднѣнный видъ храма Преподобнаго Серафима въ Саровской пустыни. 3) Св. Равноапостольный Князь Владиміръ.

При семъ № прилагается „Современное обозрѣніе“ № 29-й.

Редакторъ-Издатель Священникъ С. С. Ляпидевскій.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатаніе дозволяется. Москва, Іюля 11-го дня 1913 года.

Типо-Литографія И. Ефимова, преемникъ И. С. Ефимовъ, въ Москвѣ.

Цензоръ, Протоіерей І. Соловьевъ.